

Маквала Касрашвили:

«БЫТЬ РАВНОЙ СРЕДИ РАВНЫХ»

Певцами становятся или рождаются? Надуманный вопрос, скажете вы. Ведь кем бы ты ни родился, необходимо потратить годы и годы, чтобы постичь тайны вокального искусства. И все же... Все же, чтобы стать настоящим, большим певцом, надо быть им от Бога. Как Маквала Касрашвили, например. С которой мы и решили побеседовать накануне ее дня рождения.

— Маквала Филимоновна, прекрасное пение, бельканто, — бесспорно, ваша стихия. Наверное, вы учились в Италии!

— Увы, нет!

— В таком случае, вероятно, всему «виной» — страна, в которой вы родились!

— Я очень рада, что вы сделали такой вывод. Тысячелетние традиции песенного творчества грузинского народа, к счастью, живы поныне. Смею надеяться, что они вознаграждают своим неисчерпаемым богатством и будущее поколение. Вопреки всем историческим катастрофам, вопреки нынешнему тяжелейшему политическому и экономическому положению Грузии. Родившись в Кутаиси, я не могла не впитать с молоком матери все то, что определяет душу и культуру моего народа.

В Грузии поют все — от мала до велика. Пела и моя мать. Затянет, бывало, грузинскую песню, а я подхватываю... Когда начала учиться в музыкальном училище, мне сказали, что голос у меня поставлен от природы.

— Другими словами, он у вас от матери...

— Да, ее голос отличался особой прелестью и силой. О своем судить не берусь, но

тембр у меня такой же, как у матери. Ей, самоучке, естественно, неведомо было, что такое классическое пение. Однако, когда я распевалась, она повторяла все вслед за мной. Так мы поменялись ролями: первая моя учительница — мама стала первой моей «ученицей».

Потом я продолжила обучение в Тбилисской консерватории у знаменитой певицы Большого театра Веры Давыдовой. На пятом курсе меня услышал заведующий оперной труппой Большого Анатолий Орфенов и предложил попробовать свои силы на конкурсе в театр. Вот так, еще студенткой, я стала солисткой прославленной оперы. Первыми моими ролями были Графиня в «Свадьбе Фигаро», Микаэла в «Кармен» и Татьяна в «Евгении Онегине».

— Когда вы впервые пели с великими артистами, какие чувства владели вами?

— Естественно, волнение. Но оно присутствует всегда. Мой дебют на сцене «Метрополитен-опера» состоялся в 79-м году. Пела в «Евгении Онегине» вместе с Юрием Мазурком. Нашими партнерами были неподражаемый Николай Гедда и прославленные американские

солисты. Страха как такового не было, я переживала сложнейшую полифонию чувств, и наряду с чувством величайшей ответственности преобладала радость. Тому способствовала и сама атмосфера, в которой проходили гастролы. Необычайно дружественная. Сердечная. Непринужденная. С кем бы вы ни общались — с Паваротти или Доминго, вы — равный среди равных, и никто на вас не смотрит со снисхождением, свысока. Это я поняла в первый же свой приезд на Запад и продолжаю убеждаться в том каждый раз. У нас этого нет, хотя нет и таких имен. Кстати, точно так же ведет себя и дирижер. Перед спектаклем непременно зайдет в артистическую поздравиться и пожелать успеха, после спектакля — поздравить.

— Вы сказали, что волнуетесь. Глядя на Маквалу Касрашвили из зала, в этом ее не заподозришь!

— Это мне комплимент, спасибо. Но я действительно волнуясь. Причем, когда была моложе, волновалась меньше. Ведь с возрастом обостряется чувство ответственности, свя-

звездения с его дурновкусием, не было осанного пения на примитивный мотив, которым с утра до глубокой ночи оглушают вас на всех перекрестках. Народ тянулся к настоящему, высокому искусству. Потом, когда уже участвовала в спектаклях Большого, я убедилась, что зал в основном заполняют туристы и командированные. Они приходят в театр не из любви к опере, а чтобы поглазеть на интерьер.

Это ощущается в реакции на спектакли. Бывали потрясающе удачные. Если бы такой показать на Западе, скажем, в «Ла Скала», зал разразился бы овацией. Здесь — лишь вежливые аплодисменты. А вообще-то в разных странах — разная аудитория и разная реакция: к примеру, замечательная, компетентная — в американской «Метрополитен-опера», англичане чопорны и все сплошь прикидываются знатоками, итальянцы темпераментны, могут и ослепить, и на руках носить. В Японии слушатели исключительно доброжелательные — всею радуются, не казня артиста за выступление среднего уровня.

лоды, рухнула вниз с высоты третьего этажа. Когда падала, в сознании молнией пронеслось — конец, я погибла! Потом мне говорили, что спаслась я чудом, правда, «отделавшись» тяжелейшим переломом правой руки. Пережив этот ужас, просто не могу больше петь в «Орлеанской де-ве».

— Сейчас много говорят и пишут о кризисе, в котором оказался Большой театр. Классический вопрос: что делать!

— Не мне это решать. Во всяком случае, больше ценить и уважать людей. Доверять им. Не допускать их творческих «простоев». Создать достойные условия жизни. Тогда артисты — золотой фонд отечественного искусства — не станут искать счастья за морями, а культура страны не окажется в кризисе.

— Из сказанного вами, надеюсь, не вытекает, что вы за то, чтобы держать наших артистов взаперти, как это было при советском режиме!

— Нет, конечно. Артист обязательно должен выступать и на других сценах, с новыми партнерами, в ином репертуаре. Это необходимо для творческого роста. Многие из того, что я пела на Западе, в Большом театре не ставилось и не ставится. К примеру, «Дон Жуан» или «Милосердие Тита» Моцарта, и не только...

— Живя в Москве, поддерживаете ли вы связи с грузинскими театрами, переживающими сейчас нелегкие времена!

— Насколько это в моих силах. Прошлой зимой я ездила с труппой Тбилисской оперы на Мальту. Два раза спела Тоску. Вы же знаете, какая ситуация в Грузии. С прошлого года в Тбилиси не было ни света, ни отопления, ни горячей воды. Певцы и оркестранты не могли даже репетировать, не то что давать спектакли. Так что поездка на Мальту была для них большим благом, поддержала морально и материально.

О грузинской интеллигенции спокойно говорить не могу. Она голодает. В Грузии не осталось ничего от ее бывшего гостеприимства, хлебосольства, бесценного дара радоваться жизни. Если вы туда поедете, не узнаете людей на улицах. Вообще их не встретите. У них траур. В Тбилиси живет моя сестра. В месяц она зарабатывает сто тысяч купонов. Это меньше российской тысячи. При фантастических ценах на все. Скажем, тот же авиабилет до Москвы стоит сто шестьдесят тысяч. Вернее — стоил. Потому что цены растут каждый день.

— Кем вы себя считаете — грузинкой, русской или вас вообще не занимает этот вопрос!

— Считаю себя пражданкой России. Россия — семья великих народов, грузинский — один из них. Кровавая связь между ними освящена временем и общностью исторических судеб.

Беседу вел
Герард КИМЕКЛИС.

Касрашвили Маквала

14.3.95.